

УДК 81'373.2

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ РУССКИХ ПРОЗВИЩ

© Марина Юрьевна МОРОЗОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра русской филологии
и журналистики, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Рассматривая словообразовательные возможности русских прозвищ с точки зрения маркированности их национальных особенностей, устанавливается, что на развитие и существование такой антропонимической единицы, как прозвище, независимо от лингвистического статуса – лексического или грамматического – воздействуют две основные группы факторов: экстралингвистические и внутриязыковые. Каждая из них складывается из достаточно многочисленного количества составляющих, набор которых сугубо индивидуален для данного ономастического явления. Связь между прозвищем и производным словом осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (языковая игра, известность имени, типичность, распространенность, прецедентность, коннотация и т. д.). Национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности, язык же не только отражает в своей семантике и указывает те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывает национальную специфику значений языковых единиц. Доказано, что главный закон, в соответствии с которым происходит реализация словообразовательного потенциала прозвищ, – это закон регулярности, системности и нормативности деривационных образований в языке. Из всего многообразия словообразовательных средств и способов выражения деривационных значений язык безошибочно выбирает лишь те, которые соответствуют морфологическим особенностям производящих основ. Изучение прозвищ позволяет установить, что понятие внутренней формы слова гораздо шире, чем просто мотивированность, поскольку объединяет в себе целый ряд дополнительных признаков.

Ключевые слова: русские прозвища; внутренняя форма; мотивация; национальная специфика.

Современный этап исследования ономастической системы характеризуется когнитивным изучением имен собственных. Выявление различных структур знания, в нашем случае антропонимического, обнаруживает определенную специфику в языке. Речь идет о национальной специфике мышления, которая производна не от языка, а от реальной действительности [1]. Язык не только отражает в своей семантике и указывает те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывает национальную специфику значений языковых единиц. Связь между прозвищем и производным осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространенность, прецедентность и т. д.).

В неофициальной сфере общения, бытовой коммуникации прозвище является особым дополнительным идентификатором че-

ловека, характеризующим его в большом и малом социуме.

В Словаре В.И. Даля включено такое понятие, как «прозванье», синонимичное понятию «прозвище». *«Прозванье, проименование, фамилия человека, придаточное имя, какое носить вся семья; прозванье значит добавочную к семейному, родовому прозванью кличку, стар. рекло; твр. прозвище, прозивище. Богатого по отчеству (чествуютъ), убогаго по прозвищу (по прозванью)»* [2, с. 485].

Рассматривая прозвище как вид антропонима, ученые определяют его как «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [3, с. 111].

На развитие и существование такой антропонимической единицы, как прозвище, независимо от лингвистического статуса – лексического или грамматического – воздействуют две основные группы факторов; экстралингвистические и внутриязыковые. Каждая из них складывается из достаточно мно-

гочисленного количества составляющих, набор которых сугубо индивидуален для данного ономастического явления. Связь между прозвищем и производным словом осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространенность, прецедентность и т. д.).

Особую роль в семантико-словообразовательном процессе образования прозвищ имеет мотивация, которая проявляется в т. н. языковой игре в рамках игровой теории как основы жизнедеятельности вообще, основоположником которой является нидерландский историк Й. Хейзинга [4, с. 26]. Языковая игра, по мнению Л. Витгенштейна, связана с границами самого языка и внешними по отношению к языку объектами, что является собой динамический и открытый процесс [5]. С учетом конкретного адресата, ономастическая игра реализует определенный словообразовательный потенциал, имея при этом творческую интерпретацию этих единиц и окказиональный результат.

Если мы говорим: это *Петя*, то нас в данном случае интересует то, что перед нами конкретный человек по имени *Петр*. Предельная конкретность, единичность являются главными признаками имени, которое индивидуализирует именуемое.

Однако самое большое число отыменных прозвищ дает созвучие имен и некоторых апеллятивов. Ср.: *Петя* – отсюда прозвище *Петух*. Так, традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр* – *Петя* и слова *Петя*, которое можно считать кличкой петуха, что отражено в устном народном творчестве. Например: «*Петя, Петя, петушок, золотистый гребешок*», «*Петушок – золотой гребешок*», «*Петух поневоле запоет, коли говорить не умеет*», «*Петух скажет курице, а она – всей улице*», «*Петухи зори не проспят*», «*Петуху ячменное зерно жемчужины дороже*» и др.

В этом случае можно говорить о таком явлении, как коннотация, в результате которой происходит логическое выделение информации, базирующейся на знании субъекта действительности, стоящей за именем собственным производящим и его концептуальным пространством (структурой). Коннотации могут быть модальными, оценочными,

эмоциональными, психологическими, культурными, семантическими, ассоциативными и т. п. [6, с. 236].

Как известно, для нарицательных имен характерны парадигматические ассоциации (*добро – зло*) и синтагматические ассоциации (*человек – добрый и злой*), антропонимы же вызывают ассоциации, связанные с денотатом (*Ваня – мальчик, Таня – девочка*) или с множеством денотатов. Речь идет о структурах знаний, стоящих за именем собственным. Например: прозвище *Тимуровец* – последователь Тимура и его команды из повести А.П. Гайдара, представитель детской организации, помогающий участникам войны, их семьям, инвалидам и престарелым и т. п., «человек, поступающий, как Тимур из повести Гайдара», «положительная оценка деятельности лица». Наличие в слове суффикса -ЕЦ служит основанием для появления значения «лица», что и отражает прозвище *Тимуровец*.

Суффикс *-ец* в древнерусский период использовался как нейтральный для образования существительных при номинации людей, выполняя функцию антропонимизации. Например, человек, рожденный весной, получал прозвищное имя *Ярец* (Ярец, иконописец в Москве, 1482 г.) [7, с. 257]. Корень *-яр-* связан с представлением о весеннем плодородии (ср.: русские слова *яровой ярый* и сходные слова с тем же корнем у южных и западных славян: *Ярило* – божество возрождающегося солнца, плодородия и силы).

Впоследствии этот суффикс стал использоваться в качестве социальной маркировки для обозначения княжеских детей, рожденных от наложниц. Этот же суффикс в старорусский период стал употребляться для наименования служителей церкви (ср. поп *Иванец*). Со временем эта морфема стала функционировать в разных сферах и «обращать» дополнительными коннотациями, но ее прототипическая «предметность» в настоящее время осознается всеми говорящими.

Одна из таких проблем, исключительно важная для этимологии прозвищ – это ассоциативные связи. Изучение ассоциативной семантики онимов стало новым направлением в ономастике (И.С. Карабулатова), которое обретает широкую популярность. Изучение ассоциативных связей онимов нам представляется важным не только в качестве но-

вого метода в изучении ономастики и нового подхода к ней. Ассоциативная семантика имен собственных позволяет решить некоторые проблемы, известные традиционной ономастике, но не находившие разрешения. По тем или иным соображениям постулируется качество фона, к которому должны возводиться прозвища. Другая проблема, имеющая прямое отношение к ассоциативным связям прозвищ в целом, – это проблема внешнего сходства онимов и имен нарицательных.

В исследованиях, посвященных изучению прозвищ, подчеркивается, что активнее прозвища бытуют в традиционном сельском замкнутом быту (дворовые прозвища), где люди давно и хорошо знают друг друга, в малом социуме (семья, школа, студенчество, профессиональный коллектив) [8, с. 213-217]. Однако человек всегда стремится избавиться от неблагозвучной фамилии, или фамилии, вызывающей «сниженные» ассоциации. В стилистике художественного текста столь же хорошо знакомо то, что фамилии со «сниженными» ассоциациями принадлежат отрицательным персонажам, персонажам со специально маркированным социальным положением, так или иначе такие фамилии служат средством индукции отрицательного отношения к литературному герою или сочувствия к нему.

Прозвища как класс онимов, в особенности в таких средах, которые трудно признать социально полноценными, – таких, как детские коллективы в школах и дворовые компании, не говоря о кличках в криминальном и околокриминальном мире, всегда возникают из средств стилистически сниженной лексики, что в свою очередь вызывает негативное, по крайней мере, в эмоциональном плане отношение к самому этому классу онимов, становящемуся достоянием на сегодня многих специалистов [9; 10].

Обращают на себя внимание прозвища, зафиксированные в студенческой среде, где широко распространено усечение фамилий типа *Блинов – Блин, Кулешов – Кулеш, Николаев – Калаш, Рогачев – Рогач* и т. п.

Думается, что в основе инициативы к распространению такого рода прозвищ лежит сложившаяся манера обращения вузовских преподавателей или школьных учителей к студентам и учащимся по фамилии, а

не по имени – манера, собственно говоря, абсолютно неадекватная с точки зрения практики общения. Не случайно такого рода прозвища не появляются среди детей дошкольного возраста, но потом получают широкое распространение именно среди школьников и студентов. Похожим процессом является подведение личных имен, немотивированных для носителя русского языка (тем более такого «наивного» носителя языка, как ребенок) под знаменательные слова, например: *Сергея – Серый* и т. п.

Для старших школьников и молодежной среды может отмечаться замена гипокористических форм имени сходными или соотносительными иноязычными личными именами, например: *Борис – Боб, Николай – Ник, Иван – Джон, Александр, Алексей – Алекс* и др.: такой процесс отражает контакт с иным языком, но по существу всегда является свидетельством знакомства с языком на «докоммуникативном» уровне, не позволяющим пользоваться им в общении, но проявляющемся в виде обозначения некоей языковой компетенции.

Имеются примеры омонимии на уровне апеллативов, легших в основу образованных от них прозвищ. В качестве иллюстрации можно привести следующие пары фамильных антропонимов и прозвищ, полученных из этих фамилий: *Пятка (Пяткин), Немец (Немцов)*. Пятка – часть человеческой ноги и Пятка – пятый сын у родителей; немец – житель Германии и *Немец* – плохо говорящий или молчун. Таким образом, коннотация прозвищ и основ фамильных антропонимов отличается, прозвища привязаны к конкретным денотатам, оттого и ассоциации, возникающие при их звучании, более определены, узнаваемы и порой обидны.

Более сложные ассоциации, которые лежат в основе всякого рода метонимических переносов, наблюдаются в случаях замены апеллатива, к которому восходит фамилия, другим, связанным с ним по смыслу. При этом наблюдаются случаи созвучия. Фамилия *Кострюков* восходит к прозвищу *Кострюк*, которое давали неуживчивому, «колючему» человеку. *Кострюк* созвучно апеллативу *Кострюля*, отсюда и прозвище *Половник*.

Иногда в качестве прозвища используется апеллатив, входящий в одну и ту же лексико-семантическую группу, что и апелля-

тив, лежащий в основе фамилии: *Булка* (Хлебников), *Пароход* (Корабельников). Разного рода ассоциации лежат в основе таких прозвищ, как *Мурзик* (Кошкин), *Пернатый* (Воронцов), *И-го-го* (Конева).

В отыменных прозвищах можно вычлени следующие группы:

1) традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр – Петя*; Михаил – Миша;

2) рифмованные дразнилки: *Обезьяна* (Яна), *Хрюша* (Андрюша); *Книжка* (Мишка), *Малина* (Марина);

3) совпадение звучания имени и апеллиатива: *Дыня* (Дина), *Соловей* (Слава), *Пахан* (Павел);

4) встречаются и прозвища такого типа, которые имеют т. н. местный колорит: *Питирим* (Петр). Имя Питирима, архиепископа Тамбовского, жившего в XVII в. и причисленного к лику святых в начале XX столетия, на Тамбовщине известно каждому жителю области;

5) созвучными оказываются не полные личные имена, а уменьшительные их формы: *Леший* (Алексей – Леша), *Гаврила* (Игорь – Гаря).

Кроме различного вида созвучий, вызывающих всевозможные ассоциации, при образовании отыменных прозвищ огромную роль играют переосмысления, т. е. нахождение связей между именами и фамилиями, в которых прослеживаются некие сходные признаки.

Если рассматривать, каким образом прозвища реализовали свои потенциальные словообразовательные возможности в конкретных производных и каким морфонологическим закономерностям они подчиняются, выясняется следующее.

Производное прозвище представляет собой реализацию двустороннего процесса приспособления морфем друг к другу. С одной стороны, валентность корневых морфем нашла свое выражение в модели типового словообразовательного гнезда. С другой – реализация семантических формул мотивации осуществляется через валентность служебных морфем, или аффиксов, которая выразилась в морфемной сетке типового словообразовательного гнезда. Главный закон, в соответствии с которым происходит реализация словообразовательного потенциала, –

это закон регулярности, системности и нормативности деривационных образований в языке. Из всего многообразия словообразовательных средств и способов выражения деривационных значений язык безошибочно выбирает лишь те, которые соответствуют морфонологическим особенностям производящих основ.

В настоящее время в науке сложилось мнение о том, что внутренняя форма слова есть его ближайшая мотивация. Отсюда делается вывод, что внутренней формой обладают лишь производные слова, т. е. такие единицы, в которых очевидна связь между мотивированным и мотивирующим словами.

Изучение прозвищ позволяет установить, что понятие внутренней формы слова гораздо шире, чем просто мотивированность, поскольку оно не сводится к ней однозначно, а объединяет в себе целый ряд дополнительных признаков. Именно внутренняя форма придает значению прозвища то национальное своеобразие, которое свойственно языку в целом, и вбирает в себя многочисленные семантические коннотации, которые и создают вокруг слова уникальный смысловой фон, закрепленный коллективным языковым сознанием говорящих на данном языке.

1. *Щербак А.С.* Способы репрезентации антропонимического концепта // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2014. Вып. 17. Т. 3.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва, 1882.
3. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
4. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М., 2004.
5. *Витгенштейн Л.* Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
7. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев. М., 2004.
8. *Щербак А.С., Бурыкин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.
9. *Родина Н.А.* Современные детские прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.

10. *Родина Н.А.* Особенности бытования отыменных детских и молодежных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2015. № 2.
1. *Shcherbak A.S.* Способы репрезентации антропонимического контента // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2014. Вып. 17. Т. 3.
2. *Dal' V.I.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва, 1882.
3. *Podol'skaya N.V.* Словарь русской онимастической терминологии. М., 1988.
4. *Kheyzinga Y.* Homo Ludens. М., 2004.
5. *Vitgenshteyn L.* Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
6. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* М., 1990.
7. *Tupikov N.M.* Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen / vstup. st. i podgot. teksta V.M. Vorob'ev. М., 2004.
8. *Shcherbak A.S., Burykin A.A.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.
9. *Rodina N.A.* Современные детские прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.
10. *Rodina N.A.* Особенности бытования отыменных детских и молодежных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2015. № 2.

Поступила в редакцию 02.12.2015 г.

UDC 81'373.2

PECULIARITIES OF RUSSIAN NICKNAMES' INNER FORM

Marina Yurevna MOROZOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Considering word-forming possibilities of Russian nicknames from the point of view of their national peculiarities marked process. It is established that two basic groups of factors extralinguistic and innerlinguistic influence the development and existence of such anthroponymic units as nickname not depending linguistic status – lexical or grammatical. Each of them is build up from wide amount of components, the set of which is individual for this onomastic event. The link between nickname and derivative is realized by special motivation: semantic conditionality is replaced by extralinguistic conditionality (language game, the fame of the name, typicality, popularity, precedent, connotation and etc.). National specifics of thinking is not derivative of language, but it is derivative of reality. Language does not only reflect in its semantics and points at the difference, which are marked for people, living on the special territory because of some reasons, but it describes national specifics of language units' meanings. It is proved, that the main rule according to which the realization of word-forming potential of nicknames occurs is the rule of regulations, system and norms of derivative formations in language. The language chooses only those of wide range which correspond to morphological peculiarities of the producing basis. The study of nicknames establishes that the notion of word's inner form are much wider; that just motivation which unites a full raw of additional features.

Key words: Russian nicknames; inner form; motivation; national specifics.